

JEL classification: N54, O14, P21
УДК 94(47+57)
DOI 10.17150/2308-2488.2025.26(2).207-230

И.В. Зыкин

*Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация*

Экономическая деятельность лесных исправительно-трудовых лагерей с середины 1937 г. по середину 1941 г.

Аннотация. В процессе реализации первых пятилетних планов в СССР задачи по увеличению объемов заготовки и вывозки древесины, а также производства товаров из нее требовали освоения новых лесных массивов, строительства предприятий, в том числе в северных и восточных районах страны, где не хватало трудовых ресурсов. Репрессивная политика руководства страны имела крупные экономические последствия. В лесной промышленности стала возрастать роль труда заключенных исправительно-трудовых лагерей. В статье исследуется экономическая деятельность лесных лагерей ГУЛАГа НКВД СССР в период с середины 1937 г., времени начала массовых репрессий, по середину 1941 г. После передачи партийно-государственными органами лесных трестов и строек Наркомлеса СССР в ведение НКВД произошло существенное увеличение числа лагерей, ключевыми функциями которых стали заготовка и механическая обработка древесины, строительство лесопромышленных предприятий. Состоялась институционализация управления лесопромышленной деятельностью в системе НКВД. Возросли объемы заготовки и вывозки древесины и удельный вес лагерей в этом виде деятельности в стране. Силами заключенных были построены ведущие предприятия по глубокой переработке древесины, продукция которых была востребована в первую очередь оборонной промышленностью. Сделан вывод о том, что деятельность

исправительно-трудовых лагерей стимулировала, несмотря на ряд ошибок и проблем, фронтирную модернизацию северных и восточных районов страны. После сдачи предприятий НКВД продолжал влиять на народные комиссариаты лесной, целлюлозной и бумажной промышленности в плане поставок сырья и рабочей силы.

Ключевые слова. Лесопромышленный комплекс, индустриализация, НКВД, ГУЛАГ, исправительно-трудовые лагеря, заготовка древесины, строительство предприятий, заключенные.

Информация о статье. Дата поступления 4 февраля 2025 г.; дата принятия к печати 10 июня 2025 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2025 г.

I.V. Zykin

Ural Federal University

*named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, the Russian Federation*

The Economic Activity of Forest Corrective Labor Camps from Mid-1937 to Mid-1941

Abstract. During the implementation of the first Five-Year Plans in the USSR, increasing demands for timber harvesting, transportation, and wood product manufacturing necessitated the development of new forest areas and the construction of enterprises, including in the northern and eastern regions of the country, where labor resources were scarce. The repressive policies of the Soviet leadership had significant economic consequences. In the forestry sector, the role of labor performed by prisoners in corrective labor camps became increasingly prominent. This article examines the economic activities of the forest camps of the GULAG system under the NKVD of the USSR from mid-1937 – the onset of mass repressions – to mid-1941. Following the transfer of forest trusts and construction projects from party and state bodies to the jurisdiction of the People’s Commissariat of Forestry (Narcomles), which was subsequently subordinated to the NKVD, there was a substantial increase in the

number of camps. These camps became primarily responsible for timber harvesting and mechanical processing, as well as for the construction of forestry enterprises. An institutionalization of the management of forest industry operations within the NKVD system took place. The volume of harvested and transported timber increased, as did the share of labor camps in this sector nationwide. Prisoners constructed major enterprises for deep wood processing, the output of which was primarily directed toward the defense industry. The article concludes that despite numerous challenges and errors, the activities of corrective labor camps contributed to the frontier-driven modernization of the northern and eastern regions of the USSR. After the completion of industrial construction, the NKVD continued to influence the People's Commissariats of the forest, pulp, and paper industries, particularly in terms of raw material supply and labor provision.

Keywords. Forestry sector, industrialization, NKVD, GULAG, corrective labor camps, timber harvesting, industrial construction, prisoners.

Article info. Received February 4, 2025; accepted June 10, 2025; available online June 30, 2025.

В Советском Союзе реализация первых пятилетних планов обусловила рост объемов лесопромышленной деятельности и строительства предприятий для удовлетворения внутренних потребностей и экспорта древесины и продукции из нее. Поскольку в центральной части страны запасы лесных ресурсов были недостаточны для достижения задач индустриализации, активизировалось освоение лесных массивов в северных и восточных районах. Другими проблемами являлись высокая доля сезонных рабочих в общей численности трудовых ресурсов лесной промышленности, низкий уровень механизации производственных процессов, слабая транспортная и жилищно-бытовая инфраструктура. Достичь завышенных показателей первых пятилетних планов было трудно. На фоне расширения сети профессиональных учебных заведений, стимулирования труда работников партийно-государ-

ственные органы прибегали к мобилизационным и принудительным методам.

Система исправительно-трудовых лагерей, заключенные которых занимались также лесопромышленной деятельностью, начала активно развиваться со второй половины 1920-х гг. Результатом стало формирование сети лесных лагерей. К ним мы относим лагерные комплексы, основными экономическими задачами которых являлись заготовка и механическая обработка древесины (обозначим их как лесозаготовительные лагеря), строительство лесопромышленных предприятий.

В силу закрытости темы принудительного труда в советский период научные исследования активизировались с начала 1990-х гг. Общие тенденции и масштабы принудительного труда, экономической деятельности исправительно-трудовых лагерей проанализированы в трудах В.А. Бердинских и В.И. Веремьева, Л.И. Бородкина, Г.М. Ивановой, Л.П. Расказова, О.В. Хлевнюка, Э. Эпплбаума [1-6]. Среди региональных исследований, в которых рассмотрена также лесная промышленность, следует отметить работы Н.Ю. Белых, В.А. Бердинских, В.М. Кириллова, А.Н. Кустышева, Л.А. Максимовой, В.Г. Макурова, Н.А. Морозова, А.Б. Суслова, Н.В. Упадышева, С.Н. Филимончик, С.А. Шевырина [7-17]. Стали объектами изучения и отдельные лесные исправительно-трудовые лагеря [8-9; 16; 18-20]. Несмотря на наличие исследований, в которых обобщен опыт советской лагерной экономики или углублены представления о деятельности отдельных лагерей, отраслевой разрез разработан недостаточно. Нет обобщающих работ о лагерях, которые осуществляли лесопромышленную деятельность и строительство лесопромышленных предприятий.

Период до начала массовых репрессий 1937-1938 гг. можно выделить в качестве первого этапа, характери-

зовавшегося решением лесными лагерями отдельных задач в сфере лесопользования: заготовки древесины в промышленных и экспортных целях, дров для Москвы и Ленинграда. Важным событием стала организация в 1933 г. Беломорско-Балтийского комбината в автономной Карельской республике. Он действовал как транспортно-промышленный комбинат и осваивал природные ресурсы своей зоны, в части лесной промышленности — вел заготовку, механическую обработку древесины, возводил лесопромышленные предприятия.

В статье будет исследован период с середины 1937 г., с начала массовых репрессий и расширения сети лесных лагерей, до середины 1941 г. — начала Великой Отечественной войны, обусловившей закрытие ряда лагерных комплексов в зоне военных действий или прифронтовой зоне. Этот период характеризуется также институционализацией управления лесопромышленной деятельностью в системе НКВД: начиная от лесного сектора (1935 г.) и лесного отдела ГУЛАГа (1937 г.) до Управления лесной промышленности (1939 г.) и, наконец, Управления лагерей лесной промышленности (1941 г.), а также целлюлозно-бумажного отдела ГУЛАГа (1938 г.) [4, с. 281, 290; 21, с. 131–132, 623].

В качестве базового методологического подхода использована теория модернизации, для раскрытия сущности подпроцессов — модели ресурсной [22] и фронтальной модернизации [23]. Это позволит лучше осмыслить политику партийно-государственных и хозяйственных органов по освоению северных и восточных районов страны, в том числе причины ее корректировки, и роль принудительного труда. Источниковой базой исследования стали опубликованные документы и материалы фондов Р-5446 (Совет министров СССР) и Р-9414 (Главное управление мест заключения Министерства внутренних дел ССР) Государственного архива Российской Федерации.

Создание новых лесозаготовительных лагерей

Расширение масштабов лесопромышленной деятельности ГУЛАГа НКВД СССР было тесно связано с началом массовых репрессий в середине 1937 г. [23, с. 622–623]. 16 августа вышел секретный приказ НКВД № 078, согласно которому создавались Тайшетский (Иркутская область), Локчимский и Усть-Вымский (оба – в Коми автономной республике), Томско-Асинский (Новосибирская область), Кулойский и Каргопольский (оба – в Архангельской области), Ивдельский (Свердловская область) лесозаготовительные лагеря. По плану к 1 января 1938 г. в каждом из них должно было содержаться не менее 15 тыс. заключенных.

С учетом того, что исправительно-трудовые лагеря включили производственную базу леспромхозов Наркомлеса СССР, следует говорить о придании импульса освоению лесных массивов северных и восточных районов страны. Общее финансирование семи новых лагерей составило до конца 1937 г. 116 млн р. От ликвидированных леспромхозов было получено 16,25 млн р.¹ Были созданы крупные хозяйственные организации посредством значительного финансирования и направления десятков тысяч заключенных. Но из-за незначительных капиталовложений на жилищное (1,6 млн р., без учета временных строений) и медицинское (0,19 млн) строительство, проектно-изыскательские работы (0,8 млн) обеспечить нормальное функционирование лагерей, не говоря о перспективах их деятельности, было проблематично. Четвертый квартал 1937 г. стал организационным этапом. Он характеризовался трудностями доставки грузов и заключенных, отсутствием промфинпланов. План по заготовке и вывозке древесины рассчитывался исходя из удовлетворения нужд лагерей в строительных материалах и создания запасов на 1938 г. (удалось отложить 480 тыс. м³)².

¹ ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 3104. Л. 5, 9.

² Там же. Л. 1–2, 6.

В начале февраля 1938 г. были организованы еще 6 лесозаготовительных лагерей: Онежский (Архангельская область), Вятский (Кировская область), Красноярский (Красноярский край), Северо-Уральский (Свердловская область), Унженский (Горьковская область) и Усольский (Пермская область). В августе 1938 г. начал работу Новотамбовский лагерь, в апреле 1939 г. — Бирский (оба на Дальнем Востоке). Из созданных в конце 1930-х гг. лагерей Ивдельский, Каргопольский, Усть-Вымский, Вятский, Красноярский, Северо-Уральский, Унженский и Усольский существовали длительный период и превратились в многоотраслевые хозяйственные организации. Остальные лагеря были закрыты в конце 1930-х — начале 1940-х гг. по причинам удаленности от крупных индустриальных центров, транспортных магистралей, слабого уровня изученности лесных массивов и истощения лесных баз. Производственные и лесные фонды возвращались обратно Наркомлесу СССР.

Главным результатом образования лесозаготовительных лагерей стало резкое увеличение объемов заготовки и вывозки древесины (см. табл.). Если в 1937 г. ГУЛАГ вывез 7,4 млн ф/м³ лесных ресурсов, то в следующем году — 22,9 млн [5, с. 71]. В 1940 г. эта цифра достигла 38,9 млн ф/м [24, с. 737] (Наркомлес СССР вывез в 1937 г. 83,6 млн ф/м леса, в 1938 г. — 66,1 млн, в 1939 г. — 72,3 млн, в 1940 г. — 103,4 млн [25, с. 7]). В 1938 г. из 16 лесных лагерей только шесть выполнили план заготовки древесины, четыре — вывозки. Успешнее вели деятельность те лагеря, которые были созданы в 1937 г. или организованы в районах, богатых лесными ресурсами и имевших сеть рабочих поселков и транспортных путей. Большинство лагерных комплексов, появившихся в 1938 г., только налаживали работу и не смогли выполнить план. За 1938–1939 гг. объем заготовки и вывозки древесины существенно

³ Фестметр (ф/м) — мера плотной древесины, примерно 1,3 м³.

увеличился в Каргопольском, Унженском, Ивдельском, Вятском, Томско-Асинском, Северо-Уральском, Усольском и Новотамбовском лагерях. Крупнейшим лагерным комплексом оставался Беломорско-Балтийский комбинат. В частности, в 1939 г. он заготовил пятую часть всего объема леса по Управлению лесной промышленности.

Объемы вывозки древесины лесозаготовительными исправительно-трудовыми лагерями

Год	Вывозка древесины в СССР, млн фестметров	Вывозка древесины лагерями, млн фестметров	Удельный вес лагерей в вывозке древесины в СССР, %
1932	164,7	7,5 (данные по 6 лагерям)	4,6
1934	181,3	6,5 (данные по 4 лагерям)	3,6
1938	223,1	18,4 (данные по 16 лагерям)	8,2
1939	264,1	31,4 (данные по 16 лагерям)	11,9

Источники: Промышленность СССР : стат. сб. М., 1964. С. 294; [24, с. 737-746; 26, с. 100, 122-123] (сост. автором).

Рост объемов лесозаготовок побудил высшие партийно-государственные органы предоставить в начале 1939 г. ГУЛАГу НКВД СССР — наряду с народными комиссариатами лесной промышленности, путей сообщения и рядом других хозяйственных ведомств — права основного заготовителя и освободить его от попенной платы [24, с. 341].

Стоимость валовой продукции лесной промышленности ГУЛАГа составила (в ценах 1926/1927 г.) во второй пятилетке 672,4 млн р. (38,8 % от показателя по главку). За три года третьей пятилетки цифра достигла 1 545,7 млн (37,9 % от показателя по главку), причем основную долю — 70 % — дали лесопиление и деревообработка [4, с. 283]. По отношению к стоимо-

сти валовой продукции Наркомлеса СССР показатель лесопромышленной деятельности ГУЛАГа во второй пятилетке был низким (около 5 %), но по итогам 1938–1940 гг. повысился до 15 %.

Создание новых лагерей привело к увеличению численности заключенных, занятых лесопромышленной деятельностью и сооружением лесопромышленных предприятий. Если на 1 января 1937 г. в четырех лесных лагерях находилось 159 тыс. заключенных, то к 1 октября 1938 г. в 18 лагерях — 354 тыс. По данным на 1 января 1940 г., в 21 лесном лагере (несмотря на сокращение числа заключенных в некоторых из них вследствие смертности, переброски контингентов) находилось около 428 тыс. чел., на 1 января 1941 г. — около 412 тыс. В том числе в лагерях Управления лесной промышленности НКВД СССР отбывали наказание около 339 тыс. заключенных (по сведениям на 1 марта 1941 г.)⁴. Разумеется, часть заключенных занималась обслуживанием лагерей, однако заготовка и вывозка древесины требовала большого числа рабочих. Это отразил рост удельного веса лесных лагерей в общей численности заключенных по НКВД СССР (только на отрезке с октября 1938 г. по февраль 1939 г. — с 25,8 до 30,3 %). С учетом того, что в 1940 г. среднегодовая численность рабочих и служащих, занятых в лесной промышленности, составила 1990 тыс. чел. (15,2 % от показателя по советской промышленности)⁵, на лесные лагеря приходилось до 20 % (за условным вычетом обслуживающего персонала и строителей).

На нормализацию работы, выполнение плановых заданий и даже достижение рентабельности (как в случае с Вятским лагерем, который по итогам первого полугодия 1941 г. перевел в Управление лагерей

⁴ Подсчитано по: [27].

⁵ Народное хозяйство СССР. 1922–1972 гг. : юбилейный стат. ежегодник. М., 1972. С. 147.

лесной промышленности 1 млн р., отказавшись от государственной дотации [8, с. 31–32, 95–96, 98]) уходило два-три года. Но к сведениям о рентабельности следует относиться скептически, поскольку она складывалась, как правило, из экономии на снабжении, охране заключенных. То есть экономия имела место на тех статьях расходов, которые самым прямым образом сказывались на функционировании лагерей и жизни людей.

Беломорско-Балтийский комбинат благодаря многоотраслевой структуре, строительству предприятий, механизации производственных процессов, грамотным решениям аппарата под руководством начальника комбината и управления лагеря М.М. Тимофеева смог добиться перевыполнения годовых планов по заготовке и вывозке древесины [28, с. 376–377]. Это было обусловлено переходом на круглогодичную работу, строительством дорог, сплавных сооружений, улучшением организации труда, применением новых инструментов, введением диспетчеризации. Большое значение имело обеспечение максимально полного использования лесосеки с приоритетом деловых и наиболее ценных сортиментов, сжигание порубочных остатков, обеспечение правил техники безопасности [29, с. 61–63]. Тем самым Беломорско-Балтийскому комбинату удалось преодолеть большинство проблем, которые тормозили работу трестов и главных управлений Наркомлеса СССР.

Положительным эффектом передачи НКВД леспромхозов Наркомлеса стало увеличение объемов лесохозяйственных работ в силу неудовлетворительного состояния лесных баз после деятельности лесозаготовительных трестов⁶. Так, Северо-Уральский лагерь в конце 1930-х гг. осуществил инвентаризацию

⁶ НКВД СССР имел опыт охраны лесов и лесохозяйственной деятельности в связи с передачей ему этих функций в лесокультурной зоне по постановлению СНК СССР от 22 ноября 1934 г. № 2617.

лесов на площади 220 тыс. га, начал проведение лесокультурных работ, сформировал службу охраны, основывая ее телефонной связью, самолетами, лошадьми [30, с. 31, 35].

Однако по системе лесозаготовительных лагерей в целом использование труда заключенных, несмотря на финансовую поддержку НКВД властями, минимизацию текучести рабочей силы (ключевой проблемы Наркомлеса), не являлось залогом выполнения планов в силу действия тех же организационно-экономических факторов, что и в гражданском секторе. В первую очередь, это проблемы снабжения, перебои в подаче железнодорожных вагонов, несоответствие состава насаждений плановым заданиям, высокая себестоимость заготовки и вывозки древесины [24, с. 744; 28, с. 331-332; 31, с. 116-117]. В 1940 г. Управление лагерей лесной промышленности смогло выполнить план по вводу в строй новых производств только на 37,7 % [32, с. 41], поскольку капиталовложения в лесную промышленность ГУЛАГа сократились (в 1938 г. — 183 млн р., в 1940 г. — 80 млн [24, с. 766, 778]), что являлось общей тенденцией отрасли в связи с милитаризацией экономики страны. Из-за нереализации всего объема продукции, растрат, хищений, лесных пожаров и других организационно-экономических причин убытки лагерей были существенными, сопоставимыми с показателями по Наркомлесу СССР. В 1938 г. лесные лагеря получили убытков на сумму 123,9 млн р., в 1939 г. — 119 млн р., для чего потребовались дотации из государственного бюджета. В этот период наиболее крупные убытки были у Локчимского лагеря (в 1938 г. — 25 млн р., в следующем году — 56 млн), который ликвидировали в августе 1940 г. [21, с. 37-38; 28, с. 334-336] Однако значительные убытки продолжали характеризовать деятельность отдельных лагерей, например, Усольского [17, с. 174-176].

Строительство лесопромышленных предприятий

В 1938 г. — первой половине 1941 г. появились лагеря, осуществлявшие строительство предприятий по глубокой переработке древесины⁷. Наркомлес СССР, который изначально возводил объекты, не справлялся с поставленными задачами. Низкие темпы работ, высокий уровень текучести рабочей силы и другие проблемы, необходимость ввода в эксплуатацию стратегически важных для государства мощностей заставляли партийно-государственные органы использовать принудительный труд заключенных. Переработка проектов возводившихся Архангельского и Соликамского сульфитно-целлюлозных комбинатов, разработка методов гидролиза древесины в промышленных масштабах для выпуска продукции оборонного значения пришлось на вторую половину 1930-х гг. Строительство новых производств требовалось активизировать. В этом отношении сооружение НКВД целлюлозно-бумажных, сульфитно-спиртовых и гидролизных предприятий следует считать также составной частью милитаризации экономики страны.

Масштабы промышленного строительства были существенно увеличены для НКВД. 17 мая 1938 г. СНК СССР постановил передать НКВД от Наркомлеса строительство Архангельского и Соликамского сульфитно-целлюлозных комбинатов (сооружались с 1935 и 1936 гг. соответственно) с целью ускорения их возведения и ввода в строй в 1939 г. Финансирование строительства Архангельского комбината было увеличено на 1938 г. с 35 млн до 50 млн р., Соликамского — с 14,1 млн до 35 млн⁸. 21 июня Экономический совет при СНК СССР определил основные направления

⁷ Ранее силами заключенных были возведены Вишерский целлюлозно-бумажный комбинат (Уральская область, работы велись с апреля 1930 г. по октябрь 1931 г.) и Сегежский лесобумажно-химический комбинат (Карельская АССР, сооружался с 1936 по 1939 г.).

⁸ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 22а. Д. 291. Л. 25.

оснащения производств. Тем самым продолжилось перераспределение капитальных вложений в лесной промышленности в пользу НКВД. Помимо этого, форсировалось изготовление оборудования на советских машиностроительных заводах, в том числе таких агрегатов (варочные котлы, кабель-краны, корообдирочные машины, серные печи, селеновые камеры, цистерны регенерации и др.), которые ранее в стране не производились⁹.

20 мая 1938 г. вышел секретный приказ НКВД СССР № 00308 «О строительстве целлюлозно-бумажных предприятий», 5 июня – приказ № 00353 «Об организации отдельных лагерных пунктов по строительству Архангельского и Соликамского целлюлозных заводов». Помимо завершения в 1939 г. строительства Архангельского и Соликамского сульфитно-целлюлозных комбинатов народный комиссариат должен был возвести с нуля 10 сульфитно-целлюлозных заводов упрощенного типа (мощностью 10–12 т облагороженной целлюлозы в сутки) [21, с. 144, 624]. Из этих решений виден переход от сооружения индустриальных гигантов, на что уходило по несколько лет, к строительству небольших типовых предприятий, которые уже в 1940 г. могли начать выработку продукции. Строительная деятельность лагерей оказалась более результативной, чем организаций Наркомлеса, однако и им не удалось выполнить поставленные задачи в срок и в полной мере.

Далее, для осуществления комплексной переработки лесных ресурсов и расширения ассортимента продукции (прежде всего, этилового спирта, востребованного оборонной промышленностью), СНК СССР и ЦК ВКП(б) поручили НКВД новые строительства. В постановлении от 9 июля 1939 г. речь шла о строительстве Архангельского и Соликамского сульфитно-спиртовых заводов и Сегежского гидролизного

⁹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 22а. Д. 291. Л. 8–12, 24.

завода, в постановлении от 25 октября 1940 г. — о сооружении 11 сульфитно-спиртовых и гидролизных заводов (преимущественно на Урале и в Сибири) ориентировочной стоимостью 260 млн р. [3, с. 247]. Для осуществления этих задач до войны были созданы Соликамский (Молотовская область), Сорокский и Сегежский (Карелия), Архангельский, Енисейский (Красноярский край) и Тавдинский (Свердловская область) лагеря. Помимо этого, Ивдельлаг начал строительство гидролизных заводов в п. Лобве и Першино. В целом, несмотря на активное участие НКВД в возведении лесопромышленных предприятий, доля этих работ в строительной программе ведомства равнялась 1,7 % в 1940 г., 1,1 % в 1941 г. [26, с. 32–34].

На этапе подготовки предприятий к пуску (речь шла о Сегежском комбинате, пяти сульфитно-целлюлозных заводах упрощенного типа и первых очередях Архангельского и Соликамского комбинатов¹⁰) руководство НКВД СССР было вынуждено искать оптимальные формы их функционирования, поскольку строительно-монтажные работы продолжались (ликвидация недоделок, строительство вторых очередей). Нарком Л.П. Берия предлагал передать предприятия Наркомлесу, располагавшему необходимыми кадрами управленцев и инженеров, в частности — к 1 января 1940 г. сформировать дирекции Архангельского и Соликамского комбинатов для поэтапной приемки цехов. В свою очередь нарком лесной промышленности Н.М. Анцелович просил СНК СССР обязать НКВД осуществлять строительно-монтажные работы до их полного окончания, а не только в пределах 1940 г.¹¹. Тем самым лишний раз подтверждалось бессилие Наркомлеса реализовать крупные проекты. СНК СССР со-

¹⁰ Общая стоимость предприятий равнялась 600 млн р. — больше, чем годовой объем капиталовложений по Наркомлесу СССР в тот период; мощность — 60 % от производства целлюлозы Наркомлесом.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 23а. Д. 474. Л. 1, 5–6.

гласился с доводами Л.П. Берии и принял 22 декабря 1939 г. секретное постановление № 2081-587с. В соответствии с ним НКВД должен был завершить строительные работы и закрепить на 1940 г. заключенных за Сегежским комбинатом и пятью сульфитно-целлюлозными заводами¹².

Получение Советским Союзом после войны с Финляндией в 1939–1940 гг. Карельского перешейка, где функционировали передовые предприятия по глубокой переработке древесины, обусловило форсирование восстановительных работ. При их стоимости в 160 млн р. предприятия могли вырабатывать продукции на сумму более 450 млн р. [33, с. 229–230]. Постановления Экономического совета при СНК СССР № 523 от 15 апреля 1940 г., № 531 от 16 апреля, № 676 от 14 мая и решение СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 896 от 28 мая свидетельствовали о стремлении властей к комплексному подходу и обеспечению наиболее благоприятных условий выполнения этой задачи. Были мобилизованы специалисты и рабочие (около 15 тыс. в июле-августе 1940 г.), коллективы машиностроительных заводов и монтажных организаций. Строительные функции передавались специально организованному в системе НКВД Управлению специальным строительством на Карельском перешейке. Заключенные содержались в Кексгольмском исправительно-трудовом лагере, прекратившем деятельность с началом войны.

Власти установили приоритет снабжения района материалами и оборудованием, санкционировали ведение работ без технических проектов и смет¹³. Эти решения подкреплялись крупными капиталовложениями. Восстановительные работы, осуществленные с мая 1940 г. по май 1941 г. (впервые в таком объеме), свидетельствовали о больших возможностях, откры-

¹² ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 23а. Д. 474. Л. 9–9 об.

¹³ Там же. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 27. Л. 7–7 об.

вавшихся координацией кадрового и технологического потенциала разных ведомств и организаций. Правительственная комиссия признала в мае 1941 г. осуществленный объем работ соответствующим решению Экономического совета при СНК СССР от 14 мая 1940 г., несмотря на некоторые недоделки и неполучение части оборудования от зарубежных и отечественных предприятий¹⁴. Мощность целлюлозно-бумажных производств Карело-Финской ССР возросла и составила 52 % мощности отрасли в стране [34, с. 91].

Об оборонном значении строительства предприятий по глубокой переработке древесины сообщал в марте 1940 г. заместитель начальника ГУЛАГа А.П. Лепилов. Пуск Архангельского и Соликамского комбинатов был значим с точки зрения обеспечения потребности Наркомата боеприпасов в облагороженной целлюлозе на ближайшие годы, деятельность специального цеха Сегежского комбината — для выработки противогрипной бумаги, бумажных палаток, ведер и другой продукции [24, с. 775]. Восстановленные на Карельском перешейке целлюлозно-бумажные предприятия в Питкяранте и Энсо изготавливали целлюлозу высших сортов, являвшуюся сырьем для производства взрывчатых веществ и пороха [33, с. 219]. Однако в случае потенциальной войны предприятия по глубокой переработке древесины на Северо-Западе страны были уязвимы, тогда как Архангельский и Соликамский комбинаты, малые целлюлозные заводы только начинали работу.

Заключение

Лесная промышленность являлась для ГУЛАГа НКВД СССР одной из основных отраслей. В стране лесозаготовительные лагеря обеспечивали на рубеже 1930–1940-х гг. до одной седьмой части объема заготовки и вывозки древесины. Напротив, в структуре промышленного строительства сооружение предприятий

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 23а. Д. 474. Л. 9–9 об.

по глубокой переработке древесины занимало незначительную долю. При этом возведение целлюлозно-бумажных, сульфитно-спиртовых и гидролизных предприятий носило стратегический характер.

Передача НКВД от Наркомлеса леспромхозов истроек в северных и восточных районах страны свидетельствует о невозможности Народного комиссариата лесной промышленности СССР решить задачи освоения лесных массивов и сооружения предприятий по глубокой переработке древесины в силу нехватки трудовых и финансовых ресурсов, большого числа задач, возложенных на него в период индустриализации. Формирование в слабо освоенных территориях Европейского Севера, Волго-Вятского района, Урала, Сибири и Дальнего Востока групп лесных исправительно-трудовых лагерей способствовало освоению новых лесных массивов, строительству производственной, транспортной, жилищной и социально-бытовой инфраструктуры — т.е. освоению «фронтира» в северном и восточном направлениях. Это было особенно важно для Сибири, поскольку лесная промышленность и железнодорожное строительство дали импульс для дальнейшего освоения районов среднего и нижнего течения р. Ангары. Имели место и ошибки. Несоответствие состава насаждений (в силу недостаточной изученности лесных массивов) плановым заданиям, недостаточные вложения в инфраструктуру привели к закрытию ряда лагерей.

Если НКВД удалось до войны завершить свои стройки, хотя и с опозданием относительно планов, то Наркомлес во второй половине 1930-х гг. сдал в эксплуатацию Камский, Марийский и Ингурский целлюлозно-бумажные комбинаты. Строительство Котласского комбината осталось на начальной стадии, а Красноярского, где основные корпуса были возведены, законсервировано. Однако у ГУЛАГа не имелось необходимых инженерных кадров для эксплуатации предприятий. Они возвращались Наркомлесу и выде-

лившемся из его состава в 1940 г. Наркомбумпрому, но продолжали зависеть от лагерей в плане поставок сырья и рабочей силы для продолжения строительства и осуществления тяжелых ручных работ.

Список использованной литературы

1. Бердинских В.А. Краткая история ГУЛАГа / В.А. Бердинских, В.И. Веремьев. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2020. — 280 с. — EDN RJEVEM.
2. Бородин Л.И. Об эффективности лагерной экономики: стимулирование труда в раннем ГУЛАГе / Л.И. Бородин. — EDN QAAZVW // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века : сб. материалов II Всерос. науч. конф. / под ред. Г.А. Гончарова, С.А. Баканова. — Челябинск, 2009. — С. 31-38.
3. Иванова Г.М. История ГУЛАГа, 1918-1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты / Г.М. Иванова. — Москва : Наука, 2006. — 438 с.
4. Рассказов Л.П. Роль ГУЛАГа в предвоенных пятилетках / Л.П. Рассказов. — EDN YGDOEX // Экономическая история : ежегодник. — Москва, 2003. — Т. 2002. — С. 269-319.
5. Хлевнюк О.В. Экономика ОГПУ-НКВД-МВД СССР в 1930-1953 гг.: масштабы, структура, тенденции развития / О.В. Хлевнюк // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. — Москва, 2008. — С. 67-89.
6. Эшлбаум Э. ГУЛАГ. Паутина Большого террора / Э. Эшлбаум. — Москва : Московская школа политических исследований, 2006. — 608 с.
7. Белых Н.Ю. Экономика ГУЛАГа как система подневольного труда (на материалах Вятлага 1938-1953 гг.) / Н.Ю. Белых. — Москва : РОССПЭН, 2011. — 293 с. — EDN QRYTCB.
8. Бердинских В.А. История одного лагеря (Вятлаг) / В.А. Бердинских. — Москва : Аграф, 2001. — 432 с.
9. Кириллов В.М. Страницы истории среднеуральских «островов» ГУЛАГа (1936-1953) / В.М. Кириллов // Страницы истории Урала : сб. ст. и информ. материалов / отв. ред. В.А. Порозов. — Пермь, 1998. — Вып. 3. — С. 88-100.
10. Кустышев А.Н. Промышленное строительство в системе ГУЛАГа на Европейском Севере России в 1930 — начале 1940-х годов: масштабы, тенденции, проблемы / А.Н. Кустышев. — DOI 10.17748/2075-9908-2015-7-6/2-59-63. — EDN VKUWAB // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2015. — Т. 7, № 6-2. — С. 59-63.

11. Максимова Л.А. Отраслевая структура экономики ГУЛАГа на территории Коми АССР / Л.А. Максимова // История сталинизма: Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память : материалы междунар. науч. конф., Москва, 28-29 окт. 2011 г. / отв. ред. Л.И. Бородкин, С.А. Красильников, О.В. Хлевнюк. — Москва, 2013. — С. 171-180.

12. Макуров В.Г. Роль ГУЛАГа в хозяйственном освоении Севера в 1920-1930-х гг. (на материалах Карелии) / В.Г. Макуров. — EDN UJCNRR // Европейский Север: проблемы территориального управления и развития : сб. науч. ст. / отв. ред. С.И. Шубин. — Архангельск, 2010. — С. 83-91.

13. Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми крае. 1929-1956 / Н.А. Морозов. — Сыктывкар : Изд-во СГУ, 1997. — 190 с.

14. Суслов А.Б. Принудительный труд на Урале (кон. 1920-х — начало 1950-х гг.): эффективность и производительность / А.Б. Суслов. — EDN HDAMCZ // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. — Москва, 2008. — С. 255-278.

15. Упадышев Н.В. Роль ГУЛАГа в социально-экономическом развитии Европейского Севера России (на материалах Архангельской, Вологодской областей и Коми АССР) / Н.В. Упадышев // Европейский Север: проблемы территориального управления и развития : сб. науч. ст. / отв. ред. С.И. Шубин. — Архангельск, 2010. — С. 75-83.

16. Филимончик С.Н. ББК как символ сталинской модернизации 1930-х гг. / С.Н. Филимончик // ГУЛАГ на севере России : материалы всерос. науч. конф. с междунар. участием. — Сыктывкар, 2011. — Ч. 1. — С. 61-64.

17. Шевырин С.А. Принудительный труд в лагерях и колониях на территории современного Пермского края, конец 1920-х — середина 1950-х гг. : дис. ... канд. ист. наук / С.А. Шевырин. — Пермь, 2008. — 254 с.

18. Жданова Я.А. Свирлаг. 1931-1937 / Я.А. Жданова. — Санкт-Петербург : Реноме, 2021. — 264 с.

19. Обухов Л.А. Из истории строительства Вишерского целлюлозно-бумажного комбината и Вишерского лагеря / Л.А. Обухов // «Города несвободы» : материалы междунар. науч.-практ. конф. — Пермь, 2012. — С. 46-58.

20. Шульгина М.В. Соловецкие лагеря особого назначения и лесная промышленность Европейского Севера России (1923-1933 годы) / М.В. Шульгина. — EDN MGVFPF // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2010. — Т. 12, № 2. — С. 129-134.

21. Карательная система: структура и кадры / отв. ред. и сост. Н.В. Петров; отв. сост. Н.И. Владимирцев. — Москва, 2004. — 694 с. — (История сталинского ГУЛАга. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов : собр. док. в 7 т. Т. 2).
22. Кулагин О.И. Лесопромышленный комплекс Карелии во второй половине XX века: реализация ресурсной модели модернизации моноотраслевого региона : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / О.И. Кулагин. — Саранск, 2020. — 51 с.
23. Джозефсон П.Р. Строительство империи и фронтир советской / постсоветской эпохи / П.Р. Джозефсон. — DOI 10.30759/1728-9718-2021-4(73)-88-96. — EDN PQ5CGU // Уральский исторический вестник. — 2021. — № 4 (73). — С. 88–96.
24. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров ; под ред. А.Н. Яковлева. — Москва : Материк, 2000. — 885 с.
25. Ованесян С.А. Некоторые итоги работы механизированного лесотранспорта / С.А. Ованесян // Лесная промышленность. — 1941. — № 5. — С. 7.
26. Экономика ГУЛАГА / отв. ред. и сост. О.В. Хлевнюк. — Москва, 2004. — 623 с. — (История сталинского ГУЛАГА. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов : собр. док. в 7 т. Т. 3).
27. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960 : справочник / сост. М.Б. Смирнов ; под ред. Н.Г. Охотина, А.Б. Рогинского. — Москва : Звенья, 1998. — 600 с.
28. Советская лесная экономика. Москва-Север. 1917–1941 гг. : сб. док. и материалов / сост. В.Г. Макуров, А.Т. Филатова. — Петрозаводск, 2005. — 442 с. — EDN QQUCYB.
29. Народное хозяйство Карелии. 1926 — июнь 1941 г. : док. и материалов / науч. ред. Л.И. Вавулинская. — Петрозаводск, 1991. — 236 с.
30. Пажит Ю.Ю. Северо-Уральский лагерь НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны / Ю.Ю. Пажит. — EDN VVLWRR // Военный комментатор. — 2002. — № 2 (4). — С. 31–43.
31. Суслов А.Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.) / А.Б. Суслов. — Москва : РОССПЭН, 2010. — 424 с.
32. Иванова Г.М. Сталинский лагерно-промышленный комплекс: специфика и ключевые характеристики / Г.М. Иванова. — EDN ZDKACL // История сталинизма: Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память : материалы междунар. науч. конф., Москва, 28–29 окт. 2011 г. / отв. ред. Л.И. Бородкин, С.А. Красильников, О.В. Хлевнюк. — Москва, 2013. — С. 38–55.

33. Килин Ю. Карелия в политике Советского государства (1920–1941) / Ю. Килин. — Петрозаводск : Изд-во Петрозав. гос. ун-та, 1999. — 275 с.

34. Куприянов Г. Карело-Финская советская социалистическая республика / Г. Куприянов. — Москва : Госполитиздат, 1949. — 132 с.

References

1. Berdinskikh V.A., Verem'ev V.I. *A Brief History of the GULAG*. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2020. 280 p. EDN: RJEVEM.

2. Borodkin L.I. On the Effectiveness of the Camp Economy: Stimulating Labor in the Post-War Gulag. In Goncharov G.A., Bakanov S.A. (eds). *Mobilization Model of the Economy. Historical Experience of Russia in the 20th Century. Proceedings of the 2nd All-Russian Scientific Conference*. Chelyabinsk, 2009, pp. 31–38. (In Russian). EDN: QAAZWV.

3. Ivanova G.M. *The History of Gulag, 1918-1958. Social, Economic, Political, and Legal Aspects*. Moscow, Nauka Publ., 2006. 438 p.

4. Rasskazov L.P. The Role of the Gulag in Pre-War Five-Year Plans. In *Economic History*. Moscow, 2003. Vol. 2002, pp. 269–319. (In Russian). EDN: YGDOEX.

5. Khlevnyuk O.V. *The Economy of the OGPU–NKVD–MVD of the USSR, 1930–1953: Scale, Structure, Development Trends*. In *GULAG: the Economy of Forced Labor*. Moscow, 2008, pp. 67–89. (In Russian).

6. Ehpplbaum Eh. *GULAG: The Web of the Great Terror*. Moscow School of Political Studies Publ., 2006. 608 p.

7. Belykh, N.Yu. *The Economy of the Gulag as a System of Forced Labor: on the Materials of Vyatlag, 1938–1953*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011. 293 p. (In Russian). EDN: QRYTCB.

8. Berdinskikh V.A. *The History of One Camp (Vyatlag)*. Moscow, Agraf Publ., 2001. 432 p.

9. Kirillov V.M. Pages from the History of the Central Ural “Islands” of the GULAG (1936–1953). In: Porozov, V.A. (ed.). *Pages from the History of the Urals*. Perm, 1998. Iss. 3, pp. 88–100. (In Russian).

10. Kustyshev A.N. Industrial Building in the System of Gulag in the European North of Russia in the 1930 - early 1940s: Scope, Trends and Challenges. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* = *Historical and Social-Educational Ideas*, 2015, vol. 7, no. 6-2, pp. 59–63. (In Russian). EDN: VKUWAB.

11. Maksimova L.A. The Sectoral Structure of the GULAG Economy on the Territory of the Komi ASSR. In Borodkin L.I., Krasil'nikov S.A., Khlevnyuk O.V. (eds). *The History of Stalinism: Forced Labor in the USSR. Economy, Politics, Memory*. Proceedings of the International Scientific Conference, Moscow, October 28-29, 2011. Moscow, 2013, pp. 171-180. (In Russian).

12. Makurov V.G. The Role of the GULAG in the Economic Development of the North in the 1920-1930s (on the Materials of Karelia). In *European North: Problems of Territorial Management and Development. Collection Scientific of Articles*. Arhangelsk, 2010, pp. 83-91. (In Russian). EDN: UJCNNR.

13. Morozov N.A. *The GULAG in the Komi Region. 1929-1956*. Syktyvkar State University Publ., 1997. 190 p.

14. Suslov A.B. Forced Labor in the Ural (Late 1920s – Early 1950s): Efficiency and Productivity. In *GULAG: The Economics of Forced Labor*. Moscow, 2008, pp. 255-278. (In Russian). EDN: HDAMCZ.

15. Upadyshv N.V. The Role of the GULAG in the Socio-Economic Development of the European North of Russia (Based on the Materials of Arkhangelsk, Vologda Regions, and the Komi ASSR). In *European North: Problems of Territorial Management and Development: Collection Scientific of Articles*. Arhangelsk, 2010, pp. 75-83. (In Russian).

16. Filimonchik S.N. *he White Sea-Baltic Canal as a Symbol of Stalinist Modernization of the 1930s*. In: *The GULAG in the North of Russia. Materials of the All-Russian Scientific Conference with International Participation*. Syktyvkar, 2011. Pt. 1, pp. 61-64. (In Russian).

17. Shevyrin S.A. *Forced Labor in Camps and Colonies in the Territory of Modern Perm Krai, Late 1920s – Mid-1950s*. Cand. Diss. Perm, 2008. 254 p.

18. Zhdanova Ya.A. *Svirlag. 1931-1937*. Saint Petersburg, Renome Publ., 2021. 264 p.

19. Obukhov L.A. From the History of the Construction of the Vishera Pulp and Paper Plant and Vishera Camp. In « *Cities of Unfreedom*». *Materials of the International Scientific and Practical Conference*. Perm, 2012, pp. 46-58. (In Russian).

20. Shulgina M.V. Solovky Special Purpose Camps and the Wood Industry of the European North of Russia (1923-1933). *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk = Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2010, vol. 12, no. 2, pp. 129-134. (In Russian). EDN: MGVFPF.

21. Petrov N.V., Vladimirtsev N.I. (eds). *The Penal System: Structure and Personel*. Moscow, 2004. Vol. 2. 694 p.

22. Kulagin O.I. *Timber Industry Complex of Karelia in the Second Half of the 20th Century: Implementation of the Resource Model of Modernization of a Single-Industry Region*. Doct. Diss. Thesis. Saransk, 2020. 51 p.

23. Posthenson P.R. Empire-Building and Frontier of Soviet and Post-Soviet Times. *Ural' skii istoricheskii vestnik = Ural Historical Journal*, 2021, no. 4, pp. 88–96. (In Russian). EDN: PQSCGU. DOI: 10.30759/1728-9718-2021-4(73)-88-96.

24. Kokurin A.I., Petrov N.V., Yakovlev A.N. (eds). *GULAG: Main Camp Administration. 1918–1960*. Moscow, Materik Publ., 2000. 885 p.

25. Ovanesyan S.A. Some Results of the Work of Mechanized Timber Transport. *Lesnaya promyshlennost' = Forestry Industry*, 1941. no. 5, pp. 7. (In Russian).

26. Khlevnyuk O.V. (ed.). *The Economy of the GULAG*. Moscow, 2004. 623 p.

27. Okhotina N.G., Roginskogo A.B. (eds) *The System of Corrective Labor Camps in the USSR, 1923–1960*. Moscow, Zvenya Publ., 1998. 600 c.

28. Makurov V.G., Filatova A.T. (eds). *Soviet Forest Economy. Moscow–North. 1917–1941*. Petrozavodsk, 2005. 442 p. EDN: QQUCYB.

29. Vavulinskaya L.I. (ed.). *The National Economy of Karelia. 1926 – June 1941*. Petrozavodsk, 1991. 236 c.

30. Pazhit Yu.Yu. The North Ural NKVD Camp of the USSR during the Great Patriotic War. *Voennyi commentator = Military Commentator*, 2002, no. 2, pp. 31–43. (In Russian). EDN: VVLWRR.

31. Suslov A.B. *Special Contingent in the Perm Region (1929–1953)*. Moscow, ROSSPEHN Publ., 2010. 424 p.

32. Ivanova G.M. Stalin's Camp-Industrial Complex: Specificity and Key Characteristics. In Borodkin L.I., Krasil'nikov S.A., Hlevnyuk O.V. (eds). *History of Stalinism. Forced labor in the USSR: Economics, Politics, Memory. Proceedings of the International Scientific Conference. Moscow, October 28–29, 2011*. Moscow, 2013, pp. 38–55. (In Russian). EDN: ZDKACL.

33. Kilin Yu. *Karelia in the Policy of the Soviet State (1920–1941)*. Petrozavodsk State University Publ., 1999. 275 p.

34. Kupriyanov G. *Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic*. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1949. 132 p.

Информация об авторе

Зыкин Иван Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории России, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ель-

цина, г. Екатеринбург, Российская Федерация, e-mail: zivverh@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0002-9994-6036>; SPIN-код: 6985-6844; AuthorID РИНЦ: 1001256.

Author

Ivan V. Zykin – Ph.D. in History, Associate Professor, Department of Russian History, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, the Russian Federation; e-mail: zivverh@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0002-9994-6036>; SPIN-Code: 6985-6844; AuthorID RSCI: 1001256.

Для цитирования

Зыкин И.В. Экономическая деятельность лесных исправительно-трудовых лагерей с середины 1937 г. по середину 1941 г. / И.В. Зыкин. — DOI 10.17150/2308-2488.2025.26(2).207-230. — EDN OZAKIE // Историко-экономические исследования. — 2025. — Т. 26, № 2. — С. 207-230.

For Citation

Zykin I.V. The Economic Activity of Forest Corrective Labor Camps from Mid-1937 to Mid-1941. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2025, vol. 26, no. 2, pp. 207-230. (In Russian). EDN: OZAKIE. DOI: 10.17150/2308-2488.2025.26(2).207-230.